

Новые идеи и явления в социологии и социальной практике

© 2023 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР КАК НОУМЕН: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (zhantosch@mail.ru).

Аннотация. В статье характеризуется процесс появления в социальном познании идей общественного договора, впервые выдвинутых и обоснованных мыслителями эпохи Просвещения. Ими были сформулированы представления о его сути и содержании, которые трактовались как социальный контракт между народом и государством, причем основное внимание уделялось решающему, но неявному характеру этого процесса. Значительное место уделено анализу теорий общественного договора, их особенностей на опыте рассмотрения вариантов его толкования и осуществления в современном мире. Особое внимание обращено на осмысление общественного договора как ноумена (умопостигаемой сущности), что потребовало выявления его основных характеристик, его смысловой сущности как единства целей участников, ориентированных на соблюдение взаимного доверия, согласование интересов, постоянное использование обратной связи. Дано изложение попыток предложить варианты объяснения практик его реализации в современной общественно-политической жизни. Подчеркивается, что общественный договор как ноумен содержит не только очевидные, но и латентные критерии, выражая постоянно меняющееся качественное состояние общества и требуя регулярно настраиваемого взаимодействия народа и государства.

Ключевые слова: общественный договор • государство • общество • народ • общественное сознание • доверие • согласие • компромисс • консенсус

DOI: 10.31857/S013216250026379-9

Формулировка проблемы. Размышляя об общественном развитии, Дж.М. Кейнс после посещения Советского Союза в 1932 г. сформулировал трилемму, выразившую, как он считал, одно из основных социально-экономических противоречий: «Вы не можете одновременно максимизировать свободу, справедливость и эффективность» (цит. по: [Аузан, 2005]). Исторический опыт показывает, что все составляющие этой трилеммы в разных пропорциях и вариантах все же можно согласовать, найти взаимоприемлемый уровень учета значимости и рационального применения каждой из них. Одним из полей такого решения является *общественный договор (ОД)*, в который входят такие важнейшие принципиальные положения, как возможность социального контракта и компромисса между основными субъектами исторического процесса – государством, обществом и народом.

Теория ОД имеет принципиальные особенности. Обычно социальные теории, нацеленные на осмысление проблем общественного развития, концентрируют внимание на очевидностях (феноменах) экономического, политического, социального и культурного характера. Это присуще и социологии, которая в большинстве случаев сосредоточивает внимание на феноменах, т.е. на данных статистического и социологического характера, что позволяло(ет) судить о сути и содержании изучаемых процессов на основе фиксируемых социальных показателей, которые при всей их значимости имеют ограниченные возможности.

Преобладающий феноменологический подход не позволяет и/или ограничивает возможности проникнуть в полной мере в сущность изучаемых общественных процессов и явлений, выявить возможность их рационального существования и функционирования. Иначе говоря, сосредотачивая внимание на феноменах, мы упускаем из виду *ноумены* (умопостигаемые сущности), которые помогают выявить глубинные, латентные смыслы общественного развития, судить об уровнях зрелости обществ и государств, степени соответствия их жизненным потребностям и ценностным ориентациям народа (подробнее о ноуменах см.: [Тощенко, 2019]). ОД как ноумен предполагает использование принципиально новых методов познания, которые бы раскрывали исходные и существующие смыслы его возникновения и реализации. Такой подход дает возможность представить очевидные и латентные основы развития общества и государства, выявить сущность ОД, возможности его функционирования на исторической арене.

Существующие экономические, социальные, политологические, культурологические, социологические теории с разной степенью доказательности формулируют предложения о состоянии и тенденциях развития изучаемых ими государств и обществ. Не отрицая значимости этих теорий, полагаю, что они только частично отвечают на вопрос: почему одни государства характеризуются устойчивостью, другие не выдерживают испытания временем, распадаются, деформируются, становятся обществами травмы. По нашему мнению, потому что из анализа выпадает один из принципиальных научных подходов: рассмотрение не только очевидных явлений и процессов, но и скрытых характеристик общественного развития.

На наш взгляд, односторонность и ограниченность этих теорий восполняет концепция «общественный договор» (ОД), которая мало или совсем не применяется в мировой и отечественной социальной мысли. Его принципиальная особенность заключена в рассмотрении и анализе, наряду с явными наблюдаемыми феноменами, также латентных глубинных связей, свидетельствующих об основах существования того или иного государства: наличия общих целей у народа и у политической власти, взаимодоверия, осознаваемого желания согласовывать взаимные устремления. Такой подход, наиболее полно объясняя устойчивость (или её отсутствие) государства, позволяет ответить на вопрос о целесообразности применения концепции ОД в анализе проблем развития социально-экономических систем. Исходя из этой принципиально иной постановки вопроса о сущности, об истоках возникновения, развития и функционирования ОД, постараемся ответить на вопрос о целесообразности рассмотрения и объяснения именно с этих позиций происходящих социально-исторических процессов. Начнем с исторического экскурса.

Классическое понимание сути и содержания общественного договора. Одна из первых попыток объяснения необходимости новых оснований взаимоотношений народа и государства была предпринята Т. Гоббсом (1588–1679). При анализе английского общества в канун революции и гражданской войны XVII в. он характеризовал нарождающиеся буржуазные отношения, как строящиеся на утверждении царства личной свободы, ведущей к «войне всех против всех». Он сформулировал идеи ОД, предполагающие существование государства в лице королевской власти *на основе того, в состоянии ли она свести все желания и устремления народа (не только верхушки общества) в определенное единство и согласовать их с намерениями власть имущих*. Гоббс считал, что функционирование государства происходит за счет явного или негласного согласия между политической властью и народом (при участии церкви); объединяющей идеей, в его толковании, выступает соблюдение справедливости [Гоббс, 1991: 612–614, 618–619].

С иных позиций трактует ОД Дж. Локк (1632–1704). Он отверг идею Гоббса – «война всех против всех», наоборот, ратовал за взаимную доброжелательность, согласованность и доверие, утверждая, что естественное состояние человека в его неограниченной свободе, что «люди являются... по природе свободными, равными и независимыми» [Локк, 1988: 317]. Поэтому он основывал происхождение политического общества (государства) на предположении, что оно возникает на основе обоюдного договора, заключённого с согласия всех граждан. «Политическое общество налицо там, и только там, где каждый из его членов отказался от естественной власти, передав ее в руки общества во всех случаях, которые не препятствуют ему обращаться за защитой к закону, установленному этим обществом» [там же: 311]. Локк неоднократно утверждал, что государство создано для гарантии естественного права (жизнь, свобода, имущество) и законов (мир и безопасность): оно должно соблюдать и охранять закон и быть организовано так, чтобы естественное право было надёжно защищено [Локк, 1985: 313].

Еще одно представление об ОД обосновал П. Гольбах (1723–1789). Он определял его как совокупность взаимных условий для организации и сохранения не только государства, но и общества. Суть ОД, по Гольбаху, в том, что человек берет на себя обязательства перед обществом, а последнее принимает определенные обязательства по отношению к нему: «...если общество имеет законные права по отношению к своим членам лишь в силу преимуществ, которые оно им обеспечивает, то и члены общества подобным же образом имеют справедливые права на заботу общества только ввиду приносимой ими обществу пользы или оказываемых ему услуг. Именно это и называется общественным договором» [Гольбах, 1963: 31].

Гольбах предупреждал: если нарушен ОД, исчезнет согласие между государством и народом. «Политическому организму угрожает распад, когда правители пренебрегают заботой о поддержании в гражданах духовного подъема, необходимого для того, чтобы побудить общество к отвечающей его потребностям деятельности» [там же: 484]. Убедительны соображения Гольбаха о том, что демократия таит в себе немалую опасность, когда «свобода перерождается в своеволие и уступает место анархии» [там же: 498]. Если при любых формах правления государство не руководствуется принципами ОД, не осуществляет постоянный поиск согласия, согласования интересов и позиций различных обществ, существующих в стране, оно обречено на исчезновение.

Особое место в трактовке ОД занимают труды Ш.-Л. Монтескье (1689–1755), отразившие появление спроса на новые проекты политического устройства. Монтескье преследовал две цели: (1) создать модель рационального государственного строя, практическое осуществление которой, по его мнению, приведет к достижению политической свободы, (2) посредством государственной власти сделать политический строй общества более справедливым и устойчивым к потрясениям. Главным постулатом теории Монтескье стало требование гражданской свободы, понимаемое им как возможность делать все, что дозволено законом [Монтескье, 1955].

Наиболее ярко идеи об ОД, его содержании и назначении сформулированы и обоснованы в труде Жан-Жака Руссо (1712–1778) «Об Общественном договоре». Руссо считал, что ОД олицетворяет идеал мирного первобытного царства свободы. Основная задача, которую призван решать ОД, состоит, по его мнению, в том, чтобы «найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силую личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде» [Руссо, 2000: 207] (курсив мой. – Прим. Ж.Т.).

Рассматривая государство как продукт ОД, порожденного разумной волей народа, точнее – человеческим учреждением или изобретением, Руссо исходил из того, что каждый человек передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и свои силы. В результате «для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого». Это коллективное целое, по мнению Руссо, раньше

именовалось «гражданской общиной», позднее – республикой или политическим организмом. Члены этого политического организма называют его «Государством, когда он пассивен, Сувереном, когда он активен, Державою – при сопоставлении его с ему подобными» [там же: 209].

Руссо выдвинул и развивал идею прямого народного правления, ибо, согласно ОД, «только общая воля может управлять силами государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо» [там же: 241]. Исходя из этого, государство рассматривается Руссо как «условная личность», жизнь которой заключается в союзе ее членов. Главной его заботой, наряду с самосохранением, является забота об общем благе, о благе всего общества, народа, которые «сводятся к двум главным вещам: свободе и равенству» [там же: 241]. Обратим внимание и на постулат Руссо, что недостаточно провозгласить идею ОД, надо обеспечить его выполнение. Поэтому наряду с исключительным правом на принятие законов у народа имеется неотчуждаемое право на сопротивление [там же: 206].

Возможны варианты общественного договора, которые могут по-разному складываться у того или иного народа [там же: 255, 261]. В этой связи он не отрицал возможности существования ОД при любых политических режимах, но предупреждал, что при его нарушении демократия может выродиться в охлократию, аристократия – в олигархию, монархия – в тиранию [там же: 274]. При этом правители должны уметь слушать народ и говорить его языком [там же: 232].

Привлекает и такое соображение Руссо: в условиях ОД каждый участник приобретает принципиально новое качество – он не подданный, а гражданин [там же: 27]. Как гражданин он преодолевает отчуждение, суть которого состоит в отказе от своей свободы, в отречении «от своего человеческого достоинства, от прав человеческой природы, даже ее обязанностей» [там же: 203]. ОД возвышает и облагораживает человека. Именно в этом труде Руссо появились формулировки гражданское общество, гражданский мир, гражданское состояние, гражданское право. При этом особое значение он придавал законодательству: «Законы суть лишь подлинные акты общей воли» [там же: 276]; они должны быть «запечатлены не в мраморе, не в бронзе, но в сердцах граждан; они-то и составляют подлинную сущность Государства» [там же: 243]. И при этом ОД может существовать только при взаимной ответственности, хотя «всеобщее молчание следует считать знаком согласия народа» [там же: 217].

Среди русских мыслителей, обративших внимание на проблемы договорного происхождения государства и власти, отметим А.Н. Радищева (1749–1802), который считал, что *государство возникает не как результат некоего божественного провидения, а как следствие открытого или молчаливого договора членов общества в целях совместной защиты слабых и угнетенных*. В своих рассуждениях он исходил из того, что «соборная народа власть есть власть первоначальная» [Радищев, 1952: 10]. Он, подобно Монтескье и Руссо, ратовал за естественный закон: «человек, приходя на свет, есть равен во всем другому», что не помешало ему критически отнестись к отдельным выводам этих мыслителей [там же: 47].

Если подвести итоги сказанному об ОД мыслителями эпохи Просвещения, можно сделать следующие выводы. Прежде всего, по их убеждению, *единственным источником власти является народ, который создает государство, причем это происходит на основе естественных законов, но не всегда в полной мере осознается и поэтому нередко реализуется стихийно*.

История вскоре продемонстрировала реальное воплощение идей ОД. Убедительно утверждение, что французскую революцию XVIII в. подготовили французские просветители. Примером воплощения в жизнь их мыслей служит история Франции, которая через немалое число исторических перипетий реализовала многие из положений выдающихся мыслителей, и прежде всего Ж.-Ж. Руссо.

Некоторые идеи ОД в XIX в. пытались воплотить в жизнь в Европе – особенно при формировании государств в Германии и Италии. Такие попытки согласованности объективных и субъективных интересов и их реализации происходили неоднозначно

и противоречиво, вплоть до полного их отвержения. Тем не менее некоторые положения ОД нашли реальное воплощение в практике государственного строительства.

В XIX веке идеи ОД практически ушли из научного осмысления, хотя необходимо отметить творчество А. Токвиля (1805–1859), который, размышляя о судьбах революции, писал: «Основная цель хорошего правительства состоит в том, чтобы добиться благосостояния народа, а вовсе не в том, чтобы установить некий порядок среди нищих людей». Он критиковал американское, а затем французское правительства за их политику, не учитывавшую интересов всех слоев общества. При этом основу демократии Токвиль видел в традициях пуритан, стоявших у истоков колоний в Новом Свете. Поэтому главным преимуществом любого общества он считал равенство возможностей для всех жителей страны [Токвиль, 2008].

Выразили, хотя своеобразно, интерес к этой проблеме основатели русского анархизма М.А. Бакунин (1814–1876) и П.А. Кропоткин (1842–1921). Бакунин критиковал договорную теорию образования государства как сводящуюся к отрицанию общества, подчеркивая, что «никакое историческое государство никогда не имело основой своей договор, все они были основаны насилием, завоеванием». Он считал, что централизованное государство надо заменить децентрализованной федерацией на трех уровнях – низовом, региональном, общегосударственном. Каждая организация, по мнению Бакунина, должна идти от общины к центральному единству, т.е. снизу вверх, путем федерации.

Современные интерпретации общественного договора. Среди вновь сформулированных концепций ОД обратим внимание на идеи Дж. Ролза (1921–2002), который построил гипотетическую мысленную конструкцию («Вуаль неведения»). В ней он рассматривает индивидов как рационально мыслящих людей, перед которыми стоит задача строительства справедливого общества. В этой конструкции он утверждает, что общественные институты, сформированные в результате такого договора, беспрекословно подчиняются принципам справедливости, а люди, в них включенные, строят свои взаимоотношения на тех условиях, на которые они согласились, будучи равными в естественном состоянии. Ролз рассуждает, что этот факт дает все основания на принятие этих принципов как общепризнанных и универсальных [Ролз, 1995].

Идеи Ролза оспорил Р. Нозик (1938–2002). Он защищал необходимость «минимального государства» (государство – «ночной сторож») и критиковал теорию «социального государства» за насилие над индивидами. Нозик формулирует свою генетическую теорию справедливости, утверждая: люди имеют право завладеть собственностью, которая никому не принадлежит, если это не ухудшает положения остальных. Этот принцип справедливости приобретения предполагает, что люди имеют право дарить свою собственность другим или добровольно обмениваться ею с другими, передавать другим на определенных условиях. Интересно, что Нозик поддерживал идею «добровольного» (контрактного) рабства [Нозик, 2008].

Оригинален вклад в разработку проблем ОД Дж. Бьюкенена (1919–2013), в работах которого доказывалось, что в условиях общественного выбора неэкономические силы имеют непосредственное влияние на государственную политику любой из стран, вставших на этот путь. Согласно его теории ОД – это по сути конституция государства, в которой прописаны его действия по отношению к гражданам страны [Buchanan, Tulloch, 1962].

О решающем влиянии неэкономических сил писал известный советский/российский экономист О.Т. Богомолов. Он доказывает, что общественный договор – это по сути конституция государства, в которой прописаны его действия по отношению к гражданам страны [Богомолов, 2010].

Своеобразно трактовал идеи ОД М. Олсон (1932–1998). Он предположил, что теоретически люди могут договариваться между собой и без принуждения. Но в такой ситуации возникает «проблема безбилетника», когда люди готовы пользоваться общественным благом, но участвовать в его создании зачастую не хотят. Он также выдвинул своеобразную теорию государства, которое создается бандитами, имеющими преимущества перед

другими в организации насилия. В условиях анархии существует конкуренция между кочующими бандитами, которые максимизируют процесс изъятия доходов у населения. Впоследствии возникают оседлые бандиты, которые, оптимизируя изымаемые у населения доходы, начинают создавать общественные блага, сберегать и инвестировать, что создаёт условия для создания государственного порядка, трансформируя бандитов в правителя-автократа [Олсон, 2012].

Идеи Олсона в определенной мере разделяет российский экономист А. Аузан. Он считает, что в большинстве случаев государство появилось из-за необходимости противостоять организованному давлению и даже преступности в виде военных и вооруженных политических сил, по большому счету грабивших другие объединения (царства, княжества, ханства и т.д.). В этих условиях «складываются два типа социального контракта или общественного договора: горизонтальный, когда люди нанимают государство как агентство по производству услуг, обороны и правосудия». В результате, как показывает историческая практика, люди могут обходиться без государства в самых что ни на есть государственных делах (охрана, организация новых форм хозяйствования, создание частных военных образований и даже частных тюрем). Второй тип контракта состоит в том, что государство «никто никого не нанимал», а оно «само распоряжается и создает правила». Это связано с появлением и даже расширением круга авторитарных государств, число которых, по подсчетам Всемирного банка, выросло в конце XX – начале XXI в. более чем на 50%, и, что особенно важно, они по своей эффективности ничем не уступают «демократическим» государствам¹. Однако, несмотря на оригинальность этих высказываний, с ними трудно согласиться, так как они сводят взаимодействие народа и власти только к одной, хотя и важнейшей, функции – защите от посягательств на права свободы личности, но мало что говорят о встречной, нередко противодействующей силе народа.

Интересно, что идеи ОД волновали и мастеров художественного слова. М. Метерлинк (1862–1949) видел прямую связь между моралью правительства и душевным состоянием народа. Работая в жанре философской сказки, он пытался объяснить жизнь и деятельность людей и их взаимодействие с государством через аналогии, взятые из наблюдений за природой, полагая, что именно на такой основе можно построить взаимоприемлемые общественные отношения [Метерлинк, 1996].

Рассматривая эти теоретические концепции, обратим внимание и на практику реализации в современную эпоху принципов ОД, которых осознанно и/или стихийно придерживались многие государства, ибо без этого они не могли существовать. Особо следует подчеркнуть, что *ОД является во многом латентной характеристикой*, так как взаимоотношения народа и власти складывались помимо его фактического или формального участия в решении экономических, социальных и политических проблем. Непременным условием был только уровень доверия, согласованности интересов *всего (или большинства)* народа с интересами государства, что позволяло говорить о степени и зрелости достигнутого единства.

Вся проблема заключена в том, что народ руководствуется своими осознаваемыми или не всегда осознаваемыми потребностями и интересами. Задача здравомыслящих политических сил в том, чтобы уловить, понять, в чем состоят эти самые сокровенные, животрепещущие устремления людей и на каких условиях они пойдут на сотрудничество, согласие и поддержку тех общественно-политических организаций, которые претендуют на получение политической власти.

Таким образом, ОД должен иметь общепризнанный всеми участниками смысл, ради которого и возможно существование государства. Однако *в реальной практике, в рамках реального существования в современном мире множества государств* (только членами ООН являются 193 страны без учета 28 непризнанных государств) существуют разные вариации ОД и соответственно попыток осмысления этого многообразия. Остановимся на этом подробнее.

¹ Аузан А. «Идеальный насильник» // Новая газета. 2021. № 102. 13 августа.

Опыт осмысления реальных практик общественного договора в современном мире. Что представляет собой ОД в современных исторических и социально-экономических условиях, и какое место в его существовании отводится народу? Как сочетается в нем провозглашенная Кейнсом трилемма – возможность сочетания свободы, справедливости и эффективности – со взаимоотношениями народа и государства? Ответить на эти вопросы очень важно, ибо практически все современные государства в явной или неявной форме претендуют на то, что они функционируют на принципах, учитывающих потребности, ориентации и интересы народа, способствуют их реализации и максимально учитывают их в практике государственного управления.

Осмысливая состояние и разнообразие экономических, политических, социальных и культурных реалий в настоящее время, на наш взгляд, можно говорить о нескольких вариантах ОД.

Во-первых, отметим форму ОД, которую можно назвать *совещательной демократией* – демократией обсуждения, убеждения и компромисса. Это форма диалогового режима, предполагающего возможность людей вести обмен мнениями и участие в выработке всех интересующих их вопросов [Габрилян, 2016: 129]. Основные параметры этой модели, по Хабермасу, таковы: 1) никто из желающих внести реальный вклад в дискуссию не может быть исключен из числа ее участников; 2) всем представляются равные шансы на внесение своих соображений и предложений; 3) слова участников не должны расходиться с делами; 4) коммуникация должна быть свободна от внешнего или внутреннего принуждения [Хабермас, 2001]. Исходя из того, что эта форма предполагает существование общества свободных и равноправных индивидов, определяющих формы совместной жизни путем диалога о ключевых проблемах жизненного мира, его неперменной чертой становится обеспечение справедливости в самом широком смысле этого слова. Эта характеристика в различных пропорциях присуща значительному количеству государств, относящих себя к демократическим.

Во-вторых, сочетание ОД с *авторитарной формой правления*. В России ключевые позиции такой формы отражает договор «Об общественном согласии» от 28.04.1994 г., целью которого, по словам президента Б. Ельцина, было достижение политической стабильности, преодоление социально-экономического кризиса, укрепление федеративного устройства, безопасности гражданина и общества. Его специфической особенностью становится определение форм и методов соблюдения согласия общественных сил с политическим режимом при жестко регулируемом процессе волеизъявления народа. Такая форма преобладает в большинстве авторитарных и автократических государств и, подобно «Пакту Монклоа» в Испании, предполагает решение мирным путем сложнейших социально-экономических, политических и правовых проблем социального консенсуса.

В-третьих, появилась специфическая форма ОД, зависящая от *религиозных основ* государства. В теократических государствах (Ватикан, Саудовская Аравия, Иран и др.) источником государственности и базой ОД выступает святая книга (Библия или Коран). Следовательно, договорная ось «общество – государство» уступает место, в некотором смысле, договору между Богом и человеком. При этом остро стоит вопрос сохранения баланса интересов верующих и неверующих, способного обеспечить независимость и невмешательство в сферу личной жизни религиозных объединений и государства [Останин, 2009].

В-четвертых, современной модификацией идеи ОД является пакт, характеризующийся возвратом к системе табуитета, – к запретам, способным удерживать общество в жестких рамках. Рано или поздно подобная ситуация может привести к кризису государственной власти. В свою очередь, если государство слабо и не в состоянии обеспечить «онтологический договор», значимым социальным фактом становится внесударственная реализация закона [Шапино, 2005: 43]. Пакт способен добиться этого, но при одном важном условии – самоустранение людей от управления государством. В чем же разница между ОД и пактом? Договор есть идея всеобщего равенства, сама природа пакта равенство отрицает, подразумевая существование управляемых (население) и управляющих (чиновники, олигархи и т.д.). Договор ограничивает государство в определенных действиях

по отношению к гражданам. Пакт снимает эти ограничения: когда граждане государства вступали в него, они понимали, что тем самым отказываются по своей воле от ряда свобод. Договор не делает граждан пассивными участниками политического процесса. Пакт ограничивает способность граждан влиять на политическую ситуацию в государстве. Кроме того, ОД предполагает наличие у граждан государства определенных свобод, которыми они могут пользоваться при условии соблюдения законов. Положения пакта таковы, что граждане априори отказываются от большей части свобод. Важно подчеркнуть, что при ОД подобный отказ происходит во имя стабильности и порядка в государстве, в то время как по условиям пакта граждане отказываются от свобод ради материальных благ и защиты, которые им должно предоставить государство [Назарова, 2017: 28]. Как заметил Токвиль, в этих условиях народ предпочитает социальное равенство ориентации на реализацию демократии.

И, наконец, отметим такую трактовку ОД – модель современного гражданского общества, являющаяся, по мнению А.А. Аузана, одной из форм ОД. «Общественный договор и гражданское общество – это довольно близкие понятия, потому что в каком-то смысле гражданское общество – это и есть общественный договор... Гражданское общество – это всегда добровольная многосторонняя договоренность людей по поводу достижения и утверждения каких-то прав и интересов. В этом смысле общество – это модель договора» [Аузан, 2005: 7]. Особую роль в современном гражданском обществе приобретают институционализированные общественные объединения, которые выступают в роли активных участников и посредников при заключении такого социального контракта. Они актуализируют проблематику ОД в периоды социальных потрясений и нестабильности, накануне выборов, при необходимости корректировки политического курса – всегда, когда предметом дискуссии становятся базовые принципы и основания, гарантирующие дальнейшее развитие социума [Поленина и др., 2004: 37]. Можно отметить, что ОД – «ключевое понятие», то есть «такая конструкция, которая в ходе масштабных сдвигов социальных и политических структур выполняет функции оператора сдвига» [Солодовникова, 2016: 17].

Структура общественного договора. Подводя итог анализу различных трактовок ОД, подчеркнем, что как документа его не существовало (не существует и не будет существовать), так как он (как ноумен) выражает некое постоянно меняющееся качественное состояние общества, требующее регулярно настраиваемого взаимодействия народа и государства. Он воплощает в себе уровень общественного согласия и доверия, возможность эффективного решения назревающих проблем, уверенность большинства народа в сегодняшнем и завтрашнем дне, т.е. всего, что характеризует степень устойчивости государства.

Постараемся выделить принципиальные, качественно определенные характеристики ОД.

Во-первых, ОД предполагает существование цели, которая разделяется и большинством народа, и государством. Чем величественнее и в то же время конкретнее эта цель, тем большее количество людей вдохновляется ею. При этом она должна быть реальной, восприниматься как достижимая даже в проблемном обществе. Она также означает, что ранее провозглашенная цель (если она существовала) утратила свой потенциал, отвергается и не воспринимается как ориентир для жизнеустройства.

Существование такой цели обеспечивает согласование того, что хотели (хотят) и к чему стремились (стремятся) основные социальные общности и группы, политические организации и движения, а также того, что предлагала(ет) власть, – при учете возможных издержек и просчетов. На государство возлагается высокая ответственность – сформулировать стратегию развития страны, которая бы удовлетворяла народ не только в реально сложившейся ситуации, но и позволила бы ему видеть перспективу, которая скрепляет эту договоренность. Т.е. речь идет об умении оформить эти взаимные стремления и намерения в текущей действительности и на будущее, как залог устойчивого существования государства. Применяя трилемму Кейнса, можно сказать, что в существующих странах используются разные ее аспекты: в Швеции – социальное равенство, в США – свобода, в странах Западной Европы – демократия. В России велик запрос на справедливость.

Во-вторых, цель ОД конкретизируется (выражается) в средствах ее достижения, что находит отражение прежде всего в правах и свободах человека, которые обычно фиксируются в Конституции страны и других официальных правовых документах. Именно их соблюдение и гарантии их реализации предполагают правовое равноправие двух сторон общественного договора – государства и народа, иначе могут происходить взаимоисключающие процессы – рост авторитаризма (тоталитаризма), который ведет к деформации свобод и прав человека или усилению охлократических тенденций, которыми, как правило, пользуются деструктивные силы. Поэтому реальные ОД в большинстве случаев в современной действительности представляют не всегда обоснованную и даже деформированную практику, которая не всегда олицетворяет представления о свободе, демократии, социальном равенстве. Такое состояние приводит к конфликтным ситуациям, протестам, отражая слабость ОД, проявляющуюся в различных формах – от раздражения и недоверия до вооруженного сопротивления, восстания. Напомним, что на праве народа на протест настаивали и Локк, и Руссо. При этом особое значение приобретают моральные оценки власти. Они могут как укрепить правомочность существующей власти, так и усилить ее отрицание и противостояние ей.

В-третьих, доверие народа политическим и социальным институтам и олицетворяющим их лицам, правящим в стране. Для уточнения сути этого доверия используется понятие *социальный контракт*, означающее, что в реальности существует официальный договор по предоставлению и обеспечению прав и свобод человека как гражданина страны, как жителя поселения и как члена производственной организации. Отметим только: понятие социальный контракт в современной российской действительности приобрело узкий смысл: помощь человеку в преодолении сложных жизненных ситуаций и обеспечении устойчивого социального положения. Иногда в художественном творчестве используют термин «*социальный клей*», образно характеризующий крепость связей между народом и официальной властью.

В итоге суть согласия между народом и властью в том, что государство учитывает основные ориентации и потребности людей и на этой основе создает «правила игры» – гарантирует условия достойного их существования и обеспечивает их выполнение. Люди в свою очередь соглашаются на правовые требования, связанные с охраной их личности, с защитой их прав и свобод. При этом нередко происходит добровольное подчинение ограничительным законам, если люди видят, что их основные интересы и потребности учитываются, принимаются к сведению и в той или иной мере выполняются. В этой связи интересно соображение Н. Бердяева, критически отнесшегося к Октябрьской революции, но в то же время видевшего, почему народ пошел за большевиками. «Ленин не мог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе народа. Переворот этот был так велик, что народ, живший иррациональными верованиями и покорный иррациональной судьбе, вдруг почти помешался на рационализации всей жизни, поверил в возможность рационализации без всякого иррационального остатка, поверил в машину вместо Бога» [Бердяев, 2004: 274–275].

В-четвертых, сущность ОД выражается в соответствии реальной государственной политики основным (преобладающим, господствующим) устремлениям, ценностным ориентациям и интересам народа. Для этого требуется знать состояние и тенденции развития общественного сознания во всех гражданских, социальных, национальных и культурных его проявлениях и на этой основе обеспечивать строительство и регулирование государственной и общественной жизни. В настоящее время эта потребность в определенной (не всегда полной) степени восполняется посредством зондажа общественного мнения по злободневным, перспективным, проблемным вопросам развития страны, регионов, экономических, социальных, политических и культурных процессов.

Особо отметим огромное значение оценки *политического строя и его руководства*. Она может концентрироваться на целях, выраженных в лозунгах и призывах, но обязательно проверяется реальностью.

В-пятых, *ОД* – дорога с двусторонним движением, что предполагает существование обратной связи между властью и народом, проверку ее эффективности и реальности. Это непереносимое требование для согласования целей политической власти и ценностных ориентаций народа. У Гоббса такой целью была безопасность, у Локка – свобода, у Руссо – безопасность и демократия, у Монтескье – правовое равенство, у Ролза – справедливость. Иначе говоря, *ОД* призван обеспечить постоянный, регулярный и мобильный социальный контакт на основе достижения основной цели, а также предлагать средства и методы ее осуществления, взаимопонимания и соответственно поддержки.

При этом очень важно, обеспечивается ли *реальное участие народа* в принятии решений на всех уровнях социальной организации общества (в первую очередь в виде участия в общественных организациях, движениях и личной причастности к гражданской активности). Пока это участие нередко сводится к голосованию во время избирательных кампаний и в значительно меньшей степени к присутствию на политических и социальных акциях, участию в них. Если эти требования не соблюдаются, страна сталкивается с обострением социальной напряженности, ростом недовольства тех или иных групп населения, всплеском протестов – демонстраций, забастовок, пикетов вплоть до вооруженного сопротивления.

В-шестых, *ОД* предполагает обеспечение согласия и баланса интересов не только между всем народом и властью, но и между составляющими этот народ социальными общностями и группами внутри общества, иначе говоря, обеспечение учета многообразия интересов социальных общностей и групп – и не только на политическом, экономическом и социальном уровнях. Особенно важно согласие на *моральном*, как наиболее фундаментальном, обеспечивающем подлинную сущность и природу *ОД* уровне. Моральное единство возникает на основе соблюдения и поддержания доверительных отношений, устранения всяких попыток противостояния, соперничества, предубежденности, строится на основе *базовых ценностных ориентаций* главных социальных сил, согласование которых в многом – это ответственность государственной власти. Правда, это не означает, что ценностные ориентации неизменны: поиск согласия в целом обществе и между основными субъектами действия – постоянное требование сохранения и поддержания *ОД*.

Общественный договор не может оставаться неизменным длительное время. Он постоянно нуждается в уточнении, перенастройке в соответствии с меняющимися условиями жизни. Важное значение приобретает учет интересов социальных групп – профессиональных, демографических, этнонациональных, конфессиональных и их особенностей на каждом этапе общественного развития. В этой связи актуально утверждение, что утрата связи с реальностью, возникновение точек напряжения угрожает существованию *ОД* и как следствие – политического режима. Стороны *ОД* – государство и народ – предполагают равноправие участников, иначе возможны взаимоисключающие процессы: рост авторитаризма (тоталитаризма), деформации свобод и прав человека, охлократические тенденции, как правило, открывающие путь деструктивным силам. Поэтому в реалиях большинства случаев современной действительности *ОД* представляют собой деформированные образования, не всегда олицетворяющие равноправное единство.

Содержание *ОД* серьезно варьирует в зависимости от конкретного государства, страны, этапа их развития. Применительно к российскому государству к регистрируемому показателю *ОД* можно отнести доверие к политической власти, оценку гражданином уровня своего благосостояния, (не)уверенность в социальной защите и личной безопасности, участие в принятии решений, начиная от государственных распоряжений и завершая делами организаций, где человек работает и живет. Все возрастающее значение приобретают требования обеспечить суверенитет личности, который по-разному реализуется в конкретной ситуации в рамках конкретного государства.

Заключение. Кратко сутью идей *ОД* можно назвать социальный контракт между народом и государством, который носит характер открытого и в значительной степени латентного соглашения по поводу существующего и будущего жизнеустройства его

участников. Внешние признаки такого контракта: официальная экономическая и социальная политика и средства их реализации предполагают учет реальных ценностных ориентаций и устремлений народа. Содержанием ОД выступает постоянное взаимодействие со стороны народа и со стороны государства. Только такое взаимодействие выявляет возможности реализации этого союза, без чего существование государства невозможно или находится под вопросом.

Новый общественный строй, который возникает после ухода в прошлое прежнего, обретает не только новые социально-экономические условия своего существования, но и ведет к появлению иного типа людей. Пришествие буржуазного общества привело к появлению на исторической арене принципиально новых классовых общностей – буржуазии и рабочего класса. Появление в России советского строя объективно привело к потребности в появлении нового человека или, как пишет академик Г.Л. Смирнов, формированию социалистического типа личности [Смирнов, 1971].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аузан А.А. *Общественный договор и гражданское общество* // Мир России. 2005. № 3. С. 3–18.
- Бакунин М.А. *Анархия и Порядок*. Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
- Бердяев Н. *Истоки и смысл русского коммунизма*. М.: Наука, 1990.
- Богомолов О.Т. (ред.) *Неэкономические грани экономики: Непознанное взаимовлияние*. М.: Институт экономической стратегии, 2010.
- Габрилян Э.В. *Правовое государство как теоретическая модель государственно-правовой модернизации* // Труды ИГП РАН. 2016. № 1. С.121–132.
- Гоббс Т. *Соч.* В 2 т. Т. 2 / Сост., ред., автор прим. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1991.
- Гольбах П.А. *Основы всеобщей морали или Катехизис природы* / Избр. произв. В 2 т. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1963.
- Локк Дж. *Два трактата о правлении* // Локк Д. Сочинения, тт. 1–3. Т. 3. М.: Мысль, 1988.
- Метерлинк М. *Избранные произведения*. М.: Панорама, 1996.
- Монтескье Ш. *Избранные произведения*. В 2-х томах. М., 1955.
- Назарова Н.А. *Современные формы общественного договора в общественно-государственных отношениях XXI века* // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 2А. С. 24–32.
- Нозик Р. *Анархия, государство и утопия* / Пер. с англ. Б. Пинскера, под ред. Ю. Кузнецова, А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008.
- Олсон М. *Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры*. М.: Новое издательство, 2012.
- Останин А.В. *Светское государство и демократия* // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 104–107.
- Поленина С.В., Гаврилов О.А., Колдаева Н.В., Лукьянова Е.Г., Скурко Е.В. *Правовая политика России в условиях глобализации* // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1. С. 28–37.
- Радищев А.Н. *Полное собрание сочинений*. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. 3.
- Ролз Дж. *Теория справедливости*. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.
- Руссо Ж.Ж. *Об Общественном договоре: Трактаты*. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-Пресс-Ц, 2000.
- Смирнов Г.Л. *Советский человек. Формирование социалистического типа личности*. М.: Политиздат, 1971.
- Солодников О.Б. *Общественный договор как медиакурс (на примере общероссийских печатных СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук*. М., 2016.
- Токвиль А. *Старый порядок и революция* / пер. с фр. Л.Н. Ефимова. СПб.: Алетейя, 2008.
- Тощенко Ж.Т. *От феномена к ноумену: опыт методологического и методического поиска* // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 3–14.
- Хабермас Ю. *Вовлечение другого. Очерки политической теории*. СПб.: Наука, 2001.
- Шапиро И. *Моральные основания политики*. М.: КДУ, 2004.
- Buchanan J., Tulloch G. *The calculus of consent, the logical foundations of constitutional democracy*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.

Статья поступила: 20.04.23. Финальная версия: 19.05.23. Подписана к печати: 22.05.23.

SOCIAL CONTRACT AS A NOUMENON: THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL UNDERSTANDING

TOSHCHENKO Zh.T.

Russian State University for the Humanities; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Zhan T. TOSHCHENKO, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Prof., Scientific Supervisor of the Faculty of Sociology of the Russian State University for the Humanities, Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (zhantosch@mail.ru).

Acknowledgements. This work is supported by the Russian Science Foundation (grant № 23-18-00093).

Abstract. The article characterizes the process of emergence in social cognition of social contract ideas, first put forward and substantiated by the Enlightenment thinkers. They formulated ideas about its essence and content interpreted as a social contract between the people and the state with the focus of attention on latent, implicit nature of this process. A significant place is given to analysis of existing theories of the social contract, to identifying their features on the basis of diverse options of its interpretation and implementation in the modern scholarship. Particular attention is paid to the identifying main characteristics of the social contracts, its semantic essence as a unity of goals of their participants accentuating observance of mutual trust, coordination of interests, constant feedback. Modern interpretations of the social contract are discussed, as well as attempts to offer new options for understanding practices of its implementation in current socio-political life. It is emphasized that the social contract as a noumenon contains not only obvious, but also latent criteria, expressing the constantly changing qualitative state of society and requiring regular customizable interaction between the people and the state.

Keywords: social contract, state, society, people, public consciousness, trust, consent, compromise, consensus.

REFERENCES

- Auzan A.A. (2005) Social contract and civil society. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. 2005. No. 3: 3–18. (In Russ.)
- Bakunin M.A. (2000) *Anarchy and Order. Works*. Moscow: EKSMO-Press. (In Russ.)
- Berdyayev N. (1990) Origins and meaning of Russian communism. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Bogomolov O.T. (ed.) (2010) *Non-economic facets of the economy: Unknown mutual influence*. Moscow: Institute of Economic Strategy. (In Russ.)
- Buchanan J., Tulloch G. (1962) *The calculus of consent, the logical foundations of constitutional democracy*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Gabrilyan E.V. (2016) Legal state as a theoretical model of state-legal modernization. *Trudy IGP RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. No. 1: 121–132. (In Russ.)
- Golbach P.A. (1963) Fundamentals of universal morality or Catechism of nature. Vol. 2. Ed. Kh. Momjyan. Moscow: Sotsekgiz. (In Russ.)
- Habermas Yu. (2001) Involvement of the Other. Essays on Political Theory. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Hobbes T. (1991) *Op.* In 2 vols. T. 2 / comp., ed. V.V. Sokolov. Moscow: Thought. (In Russ.)
- Locke J. (1988) Two treatises on government. In: Locke J. *Works*, vols. 1–3. V. 3. M.: Thought. (In Russ.)
- Maeterlinck M. (1996) *Selected Works*. Moscow: Panorama. (In Russ.)
- Montesquieu Ch. (1955) *Selected Works*. In 2 vols. Moscow. (In Russ.)
- Nazarova N.A. (2017) Modern forms of a social contract in social and state relations of the XXI century. *Voprosy Rossijskogo i mezhdunarodnogo prava* [Questions of Russian and international law]. Vol. 7. No. 2A: 24–32. (In Russ.)
- Nozick R. (2008) *Anarchy, state and utopia*. Moscow: IRISEN. (In Russ.)
- Olson M. (2012) Power and prosperity. Outgrowing communist and capitalist dictatorships. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- Ostanin A.V. (2009) Secular State and Democracy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University]. No. 325: 104–107. (In Russ.)
- Polenina S.V., Gavrilov O.A., Koldaeva N.V., Lukyanova E.G., Skurko E.V. (2004) Legal policy of Russia in the context of globalization. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal policy and legal life]. No. 1: 28–37. (In Russ.)

- Radishchev A.N. (1952) *Collected Works*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Vol. 3. (In Russ.)
- Rawls J. (1995) *Theory of justice*. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU. (In Russ.)
- Rousseau J.J. (2000) *On the Social Contract: Treatises* / Tr. from Fr.A. Khayutina, V. Alekseeva-Popova. Moscow: TERRA-Book Club; CANON-Press-C. (In Russ.)
- Shapiro I. (2004) *Moral foundations of politics*. Moscow: KDU. (In Russ.)
- Smirnov G.L. (1971) *Soviet man. Formation of a socialist type of personality*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Solodnikova O.B. (2016) The social contract as a media course (on the example of the all-Russian print media): dis. ... cand. philol. Sciences. Moscow. (In Russ.)
- Tocqueville A. (2008) *Old order and revolution* / transl. from Fr. L.N. Efimov. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2019) From Phenomenon to Noumenon: A Methodological and Methodological Search. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 3–14. (In Russ.)

Received: 20.04.23. Final version: 19.05.23. Accepted: 22.05.23.